

На правах рукописи

ЯРИНА Наталья Викторовна

**«ДНЕВНИК» ЕЛИЗАВЕТЫ ДЪЯКОНОВОЙ:
ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА**

5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Научный руководитель – *Рудакова Светлана Викторовна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Налегач Наталья Валерьевна*, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», профессор кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций);

Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», профессор кафедры русской литературы).

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».

Защита состоится 11 ноября 2025 г. в 15:30 час. на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»: <https://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 22 сентября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Шацкая Марина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Дневник» Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902) – замечательный памятник русской литературной культуры рубежа XIX–XX вв., второй (после «Дневника» М. К. Башкирцевой) знаменитый дневник «рано умершей девушки». Ограниченный периодом публикации четырех изданий (1904–1912 гг.), он, вызвав кратковременный интерес у читающей публики и критиков, затем на сто лет исчез из поля зрения издателей, читателей и исследователей. За последние 20 лет «Дневник» был издан уже не менее шести раз, войдя в серии «Литературные памятники русского быта» (2021 г.) и «Всемирная литература» (2023 г.). Это неудивительно, ибо данное произведение является почти энциклопедическим источником информации о жизни молодой незамужней русской женщины из буржуазной среды на рубеже XIX–XX вв. Фактически свою недолгую жизнь даиристка успела прожить в трёх кардинально разнящихся «пространствах»: *провинции* (Нерехта, 1874–1886; Ярославль, 1887–1895) – *столице Российской империи* (Санкт-Петербург, 1895–1899) – *столицах Западной Европы* (Париж, Лондон, 1900–1902).

На данный момент первоочередной интерес исследователей к этому произведению закономерно лежит в плоскости историко-культурной: к нему обращаются историки ярославского, костремского краев и купечества, женского воспитания и образования, российского студенчества, гендера, «женского вопроса» и брачно-семейных отношений, политических учений и идей, социологии чтения, журналистики, женского костюма и моды. Нам известно около тридцати научных статей данной тематики, при этом «Дневник» Е. А. Дьяконовой является в большинстве из них не главным, а лишь одним из объектов изучения. Литературоведы же им не интересуются совсем: имеется пять-шесть небольших статей и несколько упоминаний в монографиях и учебных пособиях (С. С. Газихмаева, Н. Л. Потанина, С. В. Кончакова, Н. Ксенофонтова, Д. К. Равинский, И. А. Волошина и др.), в основном в гендерном аспекте (женское письмо, «женский вопрос», женское чтение и др.). Существует также квазибиография Е. А. Дьяконовой, написанная на основе её дневника журналистом и литературным критиком П. Басинским в 2018 г.

Таким образом, следует констатировать, что «Дневник» Е. А. Дьяконовой только лишь начинает входить в сферу внимания литературоведов, в отечественной и зарубежной науке о литературе не существует ни одной специальной монографической работы, посвящённой ему, а основной интерес современных исследователей связан с гендерной составляющей жанра. **Актуальность** предпринятого нами исследования обусловлена несколькими факторами. В последние десятилетия наблюдается устойчи-

вый научный интерес к дневниковым и другим эго-документальным жанрам как к важнейшим источникам изучения не только литературного процесса рубежа XIX–XX вв., но и культурно-исторического контекста, механизмов формирования индивидуального и коллективного сознания эпохи. Исследуемое произведение Елизаветы Дьяконовой представляет собой уникальный памятник женской автобиографической прозы рубежа веков. Однако по-прежнему мало изучена его поэтика и проблематика, а также не рассмотрен вопрос относительно его места в отечественной мемуарной и дневниковой литературе. Также актуальность работы обусловлена и обращением к вопросам самоидентификации автора, особенностей художественной организации дневника, художественных и философских исканий Дьяконовой. Проведенное исследование будет способствовать расширению представлений о творчестве женщин-авторов и обогащению методологии анализа эго-документов.

В исследовании основное внимание было сосредоточено на «Дневнике» Е. А. Дьяконовой как эстетическом целом и на выработке подходов к анализу его поэтики и проблематики.

Объект исследования – «Дневник» Е. А. Дьяконовой.

Предмет исследования – поэтика и проблематика «Дневника» Е. А. Дьяконовой.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности поэтики и проблематики «Дневника» Е. А. Дьяконовой как литературного памятника.

Данная цель определила постановку ряда задач. Следует подчеркнуть, что в силу немалого объема дневника (около 900 страниц) и его неизученности мы сконцентрировались на решении тех **задач**, которые имеют, на наш взгляд, приоритетный интерес и актуальность на данном этапе исследования:

1) на основе изучения научной литературы выделить жанрово-специфические черты женского дневника;

2) определить общие особенности композиции «Дневника»;

3) описать проблематику «Дневника» и связанные с ней ведущие внутренние его «сюжеты»;

4) проанализировать осмысление феномена и темы любви в «Дневнике» с учетом литературоцентричности сознания Е. А. Дьяконовой и воздействия на нее христианских идей;

5) рассмотреть полемику Е. А. Дьяконовой с Л. Н. Толстым о «женском вопросе»;

6) проанализировать сюжеты «взаимоотношений» даиэристки с личностями, воплотившими для нее идеал человека: Ф. П. Гаазом и Н. Н. Неплюевым;

7) выявить влияние на даизэристку и её письмо отдельных произведений И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого;

8) проанализировать «женское письмо» и феномен «телесности» в «Дневнике» и комплекс связанных с ними литературно-мифологических образов и мотивов: зеркала, красоты, уродства, волос, фотографии, статуи и др.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: в «Дневнике» Е. А. Дьяконовой проявляются особенности поэтики женского автобиографического письма рубежа XIX–XX вв., выражающиеся в специфической конструкции повествования, в качестве важнейших признаков женского дневника (а также «женского письма»), отличающих его от дневника мужского, выделены «телесность» и «скандал». В «Дневнике» Е. А. Дьяконовой можно выявить ряд сюжетов, которые складываются в «линию судьбы» даизэристки, а также позволяют рассматривать произведение как уникальный образец женского эго-документа, в котором на пересечении индивидуального опыта, религиозных и литературных веяний и в контексте социальной полемики рубежа XIX–XX вв. формируется сложный проблемный комплекс, включающий темы женской субъектности, телесности, любви, самоидентификации и т. д. Изучение взглядов Е. А. Дьяконовой на любовь и брак дает материал для выявления пути формирования женской идентичности. «Дневник» Е. А. Дьяконовой является своего рода «автодокументальной энциклопедией» жизни русской женщины конца XIX – первых лет XX в. Мотивно-образная система исследуемого произведения демонстрирует активный диалог с произведениями ярких представителей отечественной литературы, что позволяет рассматривать «Дневник» Е. А. Дьяконовой в качестве литературного памятника, отражающего процессы осмысления «женского вопроса» в русской культуре конца XIX – начала XX в.

Материалом диссертационной работы послужили «Дневник» Е. А. Дьяконовой, её письма и статьи. По мере необходимости, например в целях сравнения, привлекались: «Дневник» Марии Башкирцевой; художественные произведения, в основном входившие в круг чтения даизэристки либо популярные в её время («Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Отцы и дети», «Что делать?», «Война и мир» и др.); произведения нон-фикшн, составляющие историко-культурный контекст дневника и/или читанные Дьяконовой (брошюры Ф. П. Гааза, Н. Н. Неплюева, письма Л. Н. Толстого, книги о женском здоровье, модах и пр.).

Теоретико-методологическую базу диссертации составили исследования, посвящённые жанровой специфике дневника и в целом автодокументальных жанров (А. В. Антюхов, О. Б. Боброва, Л. Я. Гинзбург, Е. В. Глу-

хова, В. А. Дынник, О. Г. Егоров, Н. Н. Кознова, Т. М. Колядич, Е. М. Криволапова, Е. Г. Местергази, М. Ю. Михеев, Л. М. Пивоварова, А. В. Подгорский, Е. Е. Приказчикова, А. Г. Тартаковский, Н. Яковлева и др.); гендерной проблематике и «женскому письму» (М. В. Базарова, А. В. Белова, С. де Бовуар, А. И. Громова, И. А. Жеребкина, Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкарева, И. Савкина, Р. Стайтс, Э. П. Федосова, Е. Н. Шапинская, Э. Шорэ, К. Эконен, И. И. Юкина и др.); истории и теории культуры и философии (А. Б. Демидов, Р. М. Кирсанова, С. Мельшиор-Бонне, Н. В. Сомин, Е. Финк, Дж. Холл и др.); истории и теории метатекста (В. С. Киселев); проблемам интертекстуальности (Н. А. Фатеева).

Цели и задачи исследования, его специфика определили использование следующих **методов**: биографический, историко-литературный, теоретико-литературный, сравнительно-исторический, типологический, интертекстуальный, интермедиаальный, историко-культурный, историко-функциональный, мифопоэтический, гендерный, стилистический и психоаналитический.

Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе «Дневника» Е. А. Дьяконовой как образца женского автобиографического письма рубежа XIX–XX вв., осуществленном на пересечении нескольких исследовательских подходов: гендерном, литературоведческом, историко-культурном, философском, психоаналитическом и культурологическом. Впервые рассматривается поэтика дневникового текста Е. А. Дьяконовой, выявляются особенности его структуры, основные мотивы, анализируется специфика репрезентации любви как бытийного феномена, изучается полемика автора с современниками по вопросам любви и брака, исследуется феномен «литературоцентризма» «Дневника». Новизна обусловлена также обращением к анализу телесного кода и феномена «маскарада женственности», что позволяет выявить новые аспекты понимания женской идентичности и автобиографического дискурса в контексте отечественной культуры и литературы. Таким образом, работа обогащает представления о женском дневнике как особом жанровом и феноменологическом явлении, раскрывая малоисследованный материал и предлагая новые интерпретационные ракурсы.

Теоретическая значимость работы. Комплексному литературоведческому анализу подвергнуто известное, но малоизученное произведение – дневник Е. А. Дьяконовой, исследованный в рамках современной методологии изучения эго-литературы и женского письма, что позволило расширить и углубить теоретическое знание о специфике жанра дневника в целом и женского дневника в частности. Предложены пути анализа женского письма и женского дневника с позиций сюжетологии, истории чтения, интертекстуальности, метатекстуальности и интермедиаальности.

Практическая значимость работы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе в высшей и средней школе в рамках спецкурсов, посвящённых автодокументальной и женской литературе.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Женский дневник отличается от мужского двумя признаками. Первый – «телесность» – проявляется в первую очередь в тематике и стилистике: женскому письму свойствен повышенно эмоциональный («поэтический», «интимный» и пр.) разговор о болезнях, страданиях, конфликтах, истериках, одежде, природе, красоте и некрасивости, тактильных ощущениях, телесных желаниях и др. Второй признак – установка на «скандал»: описываемые события должны спровоцировать читателя на неприятие этих событий и/или оценок, на изменение устоявшихся взглядов, стандартов восприятия действительности.

2. Среднестатистический «дневниковый сюжет» характеризуется невымышленностью, незавершенностью, дискретностью. С опорой на эти и другие критерии мы выделили в «Дневнике» Е. А. Дьяконовой ряд сюжетов, которые складываются в её «линию судьбы». Первый сюжет – о «чужой» любви – появляется в 1888 г. Последний сюжет – о любви самой даиэристки (1901–1902) – представлен в форме литературного дневника. Выявлены другие сюжеты «Дневника»: о смерти, взрослении, бегстве из дома ради свободы и учёбы, «материнско-дочерний» сюжет, «женственность как маскарад», «женщина перед зеркалом» – заочный «диалог» Дьяконовой и Л. Н. Толстого, а также сюжеты о самопознании, кризисе веры, поиске «родственной души» и др.

3. К концу учёбы на Бестужевских курсах даиэристка осознаёт цель своей жизни – послужить прогрессу и русским женщинам сначала на ниве просвещения и образования в роли учительницы, потом – защищая права женщин в роли адвоката. Ради этого она разрывает со своей средой, получает высшее образование и уезжает из России за границу. При этом Дьяконова негативно настроена по отношению к браку, семье и половой любви. Пребывание за границей всё больше и больше отрывает её от родины и приобщает к европейским, секулярным ценностям. Эта жизненная, биографическая, экзистенциальная основа «Дневника» отражается в сложной и многогранной его тематике и проблематике.

4. Е. А. Дьяконова – фигура переходного времени (от традиционного общества (феодализм) к модерну) с трагической судьбой. Ей, безусловно, близки идеи женской эмансипации и социализма. В то же время в её сознании были укоренены традиционные, христианские взгляды на такие смысловые ценности, как вера, любовь, жизнь, свобода, красота, нрав-

ственность. Это противоречие приводило даиэристку к непрерывным внутренним конфликтам и неврозам, ставшим также проявлением общего для российского общества 1880–1890-х гг. системного кризиса.

5. Всю свою жизнь, в немалой степени под воздействием прочитанных книг, даиэристка ищет «родственную душу», друга и наставника, «святого в миру», который был бы духовно выше её и за которым она, как раннехристианская мученица, могла бы последовать. Из современников такими людьми для неё стали Л. Н. Толстой и Н. Н. Неплюев, а из недавнего прошлого – «святой доктор» Ф. П. Гааз. С каждым из них в «Дневнике» завязывается «духовный роман» и/или диалог – возникают отдельные «сюжеты» взаимоотношений, как очные (Н. Н. Неплюев), так и заочные (Л. Н. Толстой, Ф. П. Гааз). В особенности привлекают даиэристку в этих «отношениях» взгляды её «кумиров» на любовь к ближнему и на положение женщины в обществе. С Л. Н. Толстым она полемизирует в статье «О женском вопросе», уличая его в «домостроевских» взглядах на женщину и поэтому в отступлении от второй заповеди Христа. Ф. П. Гааз, его судьба и религиозно-филантропические произведения привлекли даиэристку идеями «социального христианства» и «мирской святости» и реальностью их воплощения. Соединение учения Христа и трудового воспитания заинтересовало Дьяконову в жизни и деятельности Н. Н. Неплюева.

6. Агапэ и филия как формы проявления Любви оказались значимы для Дьяконовой в плане мировоззренческом, эрос же определил, по сути, вектор её судьбы после окончания Бестужевских курсов и до момента трагической гибели. Жизненные наблюдения и особенно чтение сформировали в девушке предубеждение против мужчин и половой любви; собственные чувственность и телесность оставались для Дьяконовой terra incognita до 25-летнего возраста. Для понимания характера даиэристки важно, например, кто из литературных персонажей ей нравился. Таким alter ego Дьяконовой является, например, А. С. Одинцова («Отцы и дети»): обоим свойственны неразвитая чувственность, женская холодность и отстранённое, свысока отношение к мужчине. Чтение Дьяконовой нередко приобретает в «Дневнике» эротические коннотации. Так, эрос и чтение Л. Н. Толстого проявляют себя в «девичьих» снах даиэристки, отразивших её страх перед любовью и смертью.

7. Проявлениями принципов «телесности» и «скандала» в «Дневнике» становятся сюжет «женщина перед зеркалом» и комплекс связанных с ним мотивов (волосы/причёска, фотография, статуя, кукла, «высокая мода» и др.). Начав в 1891 г. с восприятия себя (своего отражения в зеркале) как ненавистного «урода», даиэристка в 1901 г. видит в зеркале «прекрасную женщину» и любит её. Указанные сюжет и мотивы неуклон-

но обретают в «Дневнике» демонический характер, отражая как их архетипические (зафиксированные в мифах и/или литературе) свойства, так и общее мировоззренческое движение Дьяконовой от ценностей традиционных к модернистским.

От части к части «Дневника» меняется стиль автора. Ранние, отрывочные, записи первой части превращаются в отдельные, пространные, тематически завершённые фрагменты и зарисовки второй и в почти целостное художественно-документальное повествование третьей. «Дневник» Дьяконовой – это «автодокументальная энциклопедия» жизни незаурядной русской женщины конца XIX – первых лет XX в., включающая безжалостный самоанализ в духе М. Ю. Лермонтова; историю соблазнения красотой в духе Н. В. Гоголя; «диалектику души» в духе Л. Н. Толстого; историю распада семьи в духе М. Е. Салтыкова-Щедрина; историю утраты веры в Бога в духе Ф. М. Достоевского; историю «новой женщины» в духе И. С. ургенева, или Н. Г. Чернышевского, или А. П. Чехова; любовную драму женщины в духе А. Н. Островского или И. А. Бунина и эротические описания на грани приличия в духе писателей-декадентов.

Достоверность результатов исследования обеспечивается достаточным объемом выбранного для изучения материала, современными методами исследования, которые соответствуют цели работы и поставленным задачам. Сформулированные в тексте диссертации научные положения и выводы основаны на глубоком анализе литературного материала.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в форме докладов на международных, всероссийских, межвузовских, региональных и внутривузовских научных и научно-практических конференциях 2012–2024 гг. (Москва, Санкт-Петербург, Киров, Челябинск, Самара, Магнитогорск) и в виде публикаций в научных рецензируемых журналах («Проблемы истории, филологии и культуры», «Филологические науки. Вопросы теории и практики», «Филологический класс», «Libri Magistri», «Альманах современной науки и образования», «Вестник гуманитарного образования», «Гуманитарно-педагогические исследования»).

По теме диссертации опубликовано 10 научных работ, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Общий объем опубликованных работ составил 5,04 п. л., из них авторских – 4,19 п. л.

Материалы диссертационной работы обсуждались на заседаниях кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка используемой литературы, включающего 253 наименования. Общий объем диссертации составил 214 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы диссертации и её новизна; даётся аналитический обзор научно-критических работ по теме; определяются цель, задачи, объект, предмет исследования; указываются материал и теоретико-методологические принципы исследования; определяется теоретическая и практическая значимость работы; описывается структура диссертации.

Первая глава «Женский дневник как литературный жанр» состоит из трех параграфов. В *первом параграфе* «Дневник как литературный жанр» обозначены основные вехи изучения в отечественном литературоведении дневника как литературного жанра. Общую эволюцию исследовательского подхода к дневнику, от 1920-х до 2020-х гг., можно представить в виде отрезка, соединяющего две интерпретационные точки: 1) дневник как невымышленный «человеческий документ»; 2) дневник как документально-художественное произведение. Жанровыми константами дневника являются два формальных признака: 1) композиция – хронологический порядок датированных записей; 2) форма повествования – монологическая, от 1-го лица. К «переменным» жанра следует отнести: 1) время как текстовый и «жизненный» фактор: фиксация даиэристом сообщаемых фактов в течение суток; 2) автокоммуникативность; 3) самоанализ, самовоспитание, нравственное самоусовершенствование как цели автора дневника; 4) мемориальную функцию. «Переменными» эти характеристики являются потому, что свойственны не всем дневникам.

Во *втором параграфе* «Специфика женского дневника» рассматривается вопрос: обладает ли женский дневник своими специфическими особенностями, отличающими его от дневника мужского? На основе анализа «Дневника» Е. А. Дьяконовой и гендерологических исследований мы выделили две специфические черты, связанные прежде всего с содержанием (тематикой) женского дневника:

1) *телесность* как ведущую форму женской коммуникации, в том числе словесной, с миром. Речь идёт о том, что писание дневника для женщины, гораздо больше, чем для мужчины, является процессом саморепрезентации, самозаявления, самосоздания. Знаками женской телесности в дневниковом тексте служит ряд тем: дом, семья, сексуальность, любовь, бо-

лезни и страдания, ссоры и истерическое поведение, красота и уродство, одежда и косметика, чувственный (особенно тактильный) контакт с миром;

2) *скандал* как сознательный расчёт даиэристки на активное неприятие читателями того, о чём она пишет и что изображает. Общей целью такой авторской стратегии является, по-видимому, желание прямого воздействия на аудиторию, а где-то и манипулирования ею.

В *третьем параграфе* «Структура, проблематика и “сюжеты” “Дневника” Е. А. Дьяконовой» содержится анализ такого проявления художественности в дневниковом жанре, как создание даиэристом сюжетов. Главными особенностями дневникового сюжета считаются: его невымысленность, незавершенность и дискретность (рассказ о событии разворачивается в записях, отдалённых друг от друга во времени).

Е. А. Дьяконова описывает свою «линию судьбы» (О. Г. Егоров) в трёхчастной дневниковой структуре:

- 1) «Дневник одной из многих» (1886–1895);
- 2) «Дневник на Высших Женских курсах» (1895–1899);
- 3) «Дневник русской женщины» (1900–1902).

Первая часть «Дневника» начата Е. А. Дьяконовой в 11 лет, а завершена в день её совершеннолетия – 15 августа 1895 г. Таким образом, «естественным» сюжетом *«Дневника одной из многих»* оказывается взросление и художественно-документальное исследование культурных практик девичества: девочка-подросток становится девушкой. До момента, когда Дьяконовой исполняется 14 лет, т. е. до конца 1888 г., в «Дневнике» не обнаруживается никаких «сюжетов», поскольку жизнь этой девочки «бессюжетна» и бесконфликтна, а сама она видеть и опознавать какие-либо «сюжеты» в окружающей жизни не умеет, так же как и литературно их строить. В ноябре – декабре 1888 г. в «Дневнике» появляются три сюжета, посредством которых даиэристка осмысляет три темы: 1) *любовь* (пока «чужая» – гувернантки Александры Николаевны); 2) *смерть* (предыстория сюжета – смерть отца Е. А. Дьяконовой 12 января 1887 г.); 3) *свобода* (пока ещё это «сюжет-мечта»: желание стать свободной – совершеннолетней и обладающей гражданскими правами – и уехать за границу). Следующей важной вехой «линии судьбы» Е. А. Дьяконовой становится 1891 г. Завязывается сюжет её драматичных отношений с матерью (развязка его придётся на 1901 г.), происходит открытие ею своей телесности. Тогда же, с апреля 1891 г., когда Дьяконова прочитала «Крейцерову сонату», начинается «сюжет» её «заочных» отношений с Л. Н. Толстым, «диалог» с ним. Следующий 1892 г. отмечен появлением в дневнике трёх новых сюжетов: 1) «самопознания»; 2) «неверия» (утрата даиэристкой веры в Бога); 3) «учёбы».

Этот последний сюжет становится центральным в *«Дневнике на Высших Женских курсах»*. Внешне, событийно-фабульно, описание учёбы на

Бестужевских курсах выглядит как записи – рассказы о жизни в интернате, посещении учебных занятий, а после лекций – театров, выставок, собраний, кружков, комитетов, вечеров, всех тех мероприятий и мест их проведения, которые составляли разнообразную общественную жизнь в столице империи. Внутренне, психологически-сюжетно, годы, проведённые Дьяконовой в Петербурге, явились поисками ею своего профессионального и жизненного предназначения и одновременно отчуждением от основ патриархального воспитания (прежде всего от православной веры). В начале 1897 г. даиэристка чётко формулирует свою «цель жизни» – «послужить народному прогрессу» в сфере «народного образования»; ещё через два года она решает открыть для себя и всех русских женщин «путь юридический» – стать адвокатом. «Телесность» проявляет себя через психосоматические (кожное воспаление на ноге) и неврологические (Дьяконовой был поставлен диагноз «неврастения») заболевания, панические атаки перед экзаменами, страх смерти, суицидальные мысли, неспособность завести дружеские связи (ни с мужчинами, ни с женщинами). Поиск «родственной души» составляет в «Дневнике» отдельный сюжет. В целом вторая, «бестужевская» часть дневника – наиболее аналитическая, исповедальная, с проявлениями мемуарного начала.

Третья часть *«Дневник русской женщины»* представляет собой автобиографическую любовную повесть в форме литературного дневника. Об этом убедительно писал ещё А. А. Дьяконов, к которому перешёл весь архив сестры, все её черновики и письма и который хорошо изучил методы её писательской работы. Совершенно невозможно сказать, где даиэристка фиксирует события, а где придумывает их, где она описывает реальные встречи и реальных людей, а где даёт волю своей фантазии. По-видимому, как и для многих других даиэристок, дневник становится для неё и материалом для творчества, и самим (художественным) творчеством. В героине «Дневника русской женщины» читатель узнаёт ту Елизавету Дьяконову, какой она сформировалась за 15 лет. В то же время это кто-то другой, по-видимому, та, какой она хотела бы иногда быть, хотя бы в своих писательских фантазиях. Сам же сюжет, который в этих целях Дьяконова конструировала в повести, таков: *«несчастливая любовь русской феминистки к французско-женефобу»*.

Анализ сюжетных линий всех трёх частей «Дневника» Е. А. Дьяконовой позволяет описать «линию» её судьбы следующим образом:

«Русская провинциалка конца XIX в., в силу индивидуальных психологических склонностей и обстоятельств жизни, хочет порвать со своей (буржуазной) средой и её предрассудками/традициями и стать свободной «новой женщиной», т. е. отказаться от брака, учиться в высшем учебном

заведении и получить нетипичную, и даже невозможную, для женщины в патриархальном обществе профессию. С огромным трудом, испытывая сопротивление среды, преодолевая враждебные обстоятельства, борясь с психосоматическими заболеваниями, она осуществляет свою мечту. За границей её подавляемые женская природа и телесность прорываются, проявляясь в неврастении и любви к мужчине-иностранцу – её лечащему врачу, который первым проявил к ней участие и дружеское расположение, но оказался абсолютно чужд ей мировоззренчески. И в мире художественной реальности, и в реальности действительности героиню/даиэристку ожидала преждевременная смерть».

Вторая глава «Любовь как бытийный феномен и как тема в “Дневнике” Е. А. Дьяконовой» состоит из четырёх параграфов, в которых анализу подвергнуты Любовь как смысложизненная ценность для даиэристки и эволюция её понимания в дневнике. В общем виде эта эволюция предстаёт как смена смыслов: от смысла религиозного (Любовь к Богу) к социальному (любовь к людям), а от него к биологическому (половой инстинкт, сексуальность).

В **первом параграфе** «Любовь как бытийный феномен» с опорой на труды современных философов Е. Финка и А. Б. Демидова представлен краткий исторический обзор концепций любви, выработанных философской мыслью от Античности и до начала XX в. Обзор дан с позиций того, что из этих концепций могло быть известно Е. А. Дьяконовой. За свою недолгую жизнь она прочитала множество книг разнообразной тематики на русском, французском, немецком языках. Помимо творчества русских и европейских классиков XVIII–XIX вв., в том числе их многочисленных произведений о любви, ей были хорошо знакомы основные постулаты христианского вероучения и их позитивистская трактовка (Э. Ренан), известны отдельные идеи Платона и Эпикура, экономические и правовые учения XVIII–XIX вв., идеи Фейербаха, Канта, Шопенгауэра, Ницше, Нордау, концепции историзма, дарвинизма, позитивизма, социализма, марксизма, народничества, толстовства, феминизма. Базовым в мировоззрении даиэристки было христианское понимание любви как *любви к личности*.

Во **втором параграфе** «Идеи христианской любви и “мирской святости” в “Дневнике” Е. А. Дьяконовой и “Призыв к женщинам” Ф. П. Гааза» сравнительно-типологическому анализу подвергнуты тип поведения и жизненный «сценарий», к которым стремилась Дьяконова (до отъезда в Западную Европу) и воплощение которых она нашла, в частности, в знаменитом «святом докторе» – Фёдоре Петровиче Гаазе (1780–1853). Его биографию даиэристка читала в декабре 1897 г., находясь в больнице. Автор биографии, А. Ф. Кони, написал, по сути, «мирское житие», а в образе Ф. П. Га-

аза представил идеал «мирской святости». К этому последнему Е. А. Дьяконова стремилась много лет, причём в петербургский период своей жизни особенно осознанно (см., например, запись в дневнике от 21.12.1897). По очерку А. Ф. Кони даиэристка могла ознакомиться и с основными положениями брошюры Ф. П. Гааза «Appel aux femmes» («Призыв к женщинам»), где в простой и доступной форме излагалось христианское учение, адресованное прежде всего женщинам. Сравнительно-типологический анализ «призывов» Ф. П. Гааза и размышлений Е. А. Дьяконовой о роли женщины в обществе обнаруживает между ними немало перекличек и совпадений (высказывания о женском здоровье, целомудрии в браке, влиянии женщин на общество, о борьбе с собственными нравственными недостатками и др.).

Другой выдающейся личностью, овладевшей на какое-то время вниманием Е. А. Дьяконовой, стал её современник, общественный деятель, устроитель православных «трудовых братств» Николай Николаевич Неплюев (1851–1908). Сюжет взаимоотношений с ним даиэристки, охватывающий 1898 г., рассмотрен в *третьем параграфе* «Романтический идеал “родственной души” Е. А. Дьяконовой и христианский идеал братолюбия Н. Н. Неплюева». В жизни и деятельности Н. Н. Неплюева она буквально видит свою мечту осуществившейся в действительности (запись от 19.12.1897), а сам он кажется ей подвижником, подчинившим своё существование второй заповеди Христа, так привлекавшей саму Дьяконову. Любовь к ближнему у даиэристки имела, помимо прочих, и литературные источники, среди которых выделяется романтический идеал «родственной души». Одинокая, не имеющая друзей и подруг, обладающая богатым внутренним миром, но общающаяся, по сути, только со своим дневником, Дьяконова, подобно героям романтических произведений Пушкина, Лермонтова, Тютчева, стремится найти человека – «друга», который бы мог понять её «страстную исповедь», «сложные движения души человеческой» (запись от 05.03.1898), и в то же время боится разочароваться в нём. Даиэристка ищет идеал, и, разумеется, явиться для девушки он может только в мужском обличье. Из дневника следует (запись от 17.04.1893), что идеал мужской красоты был воплощён для Дьяконовой в Наполеоне и о. Иоанне Кронштадтском (их портреты стояли у неё на столе). Н. Н. Неплюеву, с которым даиэристка встретится 7 марта 1898 г., она заранее прощает даже уродство – ведь «это не коснется его души». Сомнений и вопросов Дьяконовой (волновала же её в разговоре с ним проблема теодицеи!) он не разрешил. Каждое утро, начиная с февраля 1898 г., даиэристка читала по главе из книги Н. Н. Неплюева «Что есть истина?», а в августе 1898 г. побывала в его Кресто-Воздвиженском «братстве». В декабре 1898 г., после посещения Е. А. Дьяконовой квартиры в Петербурге, где Н. Н. Неплю-

ев читал свои статьи «о силе и значении любви», сюжет их отношений завершается, и развязка его оказывается неожиданна и парадоксальна (запись от 25.12.1898). Идея братской любви как основа организации жизни даизристке по-прежнему близка – в реальность её воплощения она верит уже меньше – Дьяконова глубоко разочаровывается в душевных и интеллектуальных способностях мужчин – она отказывается от поиска идеала – в «родственной мужской душе» нуждается ещё сильнее, но только в качестве «друга».

В «Дневнике» можно проследить многолетнее восхищение со стороны Е. А. Дьяконовой ещё одним мужчиной – знаменитым писателем, причём восхищение это доходило у неё до поклонения. И только в последний год своей жизни 27-летняя даизристка, не только много всего прочитавшая и осмыслившая, но и немало к тому времени пережившая, посмела вступить со своим кумиром в письменную полемику. Статья «*О женском вопросе*», написанная Дьяконовой в Париже, стала материалом анализа в **четвёртом параграфе** «Полемика Е. А. Дьяконовой с Л. Н. Толстым о любви и браке» второй главы диссертации. Выражение «женский вопрос» широко использовалось в российской печати во 2-й половине XIX в. Под ним подразумевались права и положение женщины во всех сферах общественной жизни (экономика, право, семья, политика, образование, наука и др.). Важной частью «женского вопроса» был «половой вопрос», именно он вынесен в заглавие книги, критическим откликом на которую явилась статья Е. А. Дьяконовой. Книга эта представляла собой собранные В. Г. Чертковым, ближайшим сподвижником Л. Н. Толстого, мысли великого писателя. В силу известных обстоятельств статья «О женском вопросе» оказалась итоговым высказыванием Дьяконовой о любви, браке, половых отношениях, положении женщины в обществе. В своих вполне феминистских размышлениях она отталкивается от главного тезиса Л. Н. Толстого о том, что «брак не есть необходимость и является помехой религиозному служению Богу и людям». Поддержав некоторые идеи Л. Н. Толстого (о целомудрии и воздержании мужчины в браке, прежде всего), Дьяконова выступает в статье убеждённой защитницей прав женщин и критиком сложившейся в обществе несправедливости по отношению к ним. Так, она критикует Л. Н. Толстого с точки зрения евангельского учения о любви, опираясь на идеи «марксистского феминизма» и уличая писателя в «средневековых», домостроевских представлениях о женщине. Хорошо знакомая с научной критикой христианства (Фейербах, Ренан, Фаррар), Дьяконова говорит о том, что христианство, начиная с апостола Павла, не освободило, а закрепостило женщину. По мнению Дьяконовой, гораздо больше любви к ближнему, любви к женщине, нежели у Толстого и в Евангелии, можно обнаружить в книге А. Бебеля «Женщина и со-

циализм». Только социализм в настоящее время выступает преемником забытых христианских истин и правильно разрешает «женский вопрос». «Любовь несовместима с насилием закона; она – вся свобода» – такова итоговая мысль Дьяконовой, и только социализм, утверждает она, даст женщине, самому угнетённому существу в современном обществе, «освобождение и человеческую жизнь».

Глава третья диссертации «“Дневник” Е. А. Дьяконовой и проблема литературоцентризма» включает в себя три параграфа и посвящена анализу воздействия на даиэристку, её поведение и мировоззрение прочитанных ею книг. В «Дневнике» цитируются и упоминаются десятки авторов и сотни произведений. По нашим подсчётам, Дьяконова ссылается на не менее ста античных, европейских и русских писателей XVIII–XIX вв., произведения которых она прочла помимо гимназической программы. Чаще всего повторяются имена А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. По-немецки и по-французски даиэристка читала в подлиннике; на английском, по-видимому, могла разговаривать; на Бестужевских курсах изучала латынь; была знакома с церковнославянским языком.

В **первом параграфе** «“Девичьи” сны Е. А. Дьяконовой в аспекте литературоцентричности её сознания» с позиций онейропозитики и интертекстуального анализа трактуются два сна даиэристки, виденные ею в ночь на 4 июня 1889 г. Описанию снов предшествуют известие о смерти хозяина дома, у которого Дьяконовы снимали квартиру в Ярославле, и цитата из «Евгения Онегина», связанная с темой смерти. Первый («страшный») сон, на наш взгляд, сюжетно и образно отсылает к ситуациям произведений Л. Н. Толстого, в частности ко сну Андрея Болконского (т. IV, ч. 1, гл. XVI). Толстовский герой, проснувшись, перестаёт бояться смерти, ибо обретает Свет и Свободу. Дьяконова же – героиня собственного сна – остаётся во Тьме и просыпается в страхе. Символические образы из «толстовского» сна даиэристки («дверь», «ключ», «задвижка», «щель», цифра «5»), в соответствии с мифопоэтическими, обрядово-магическими, психоаналитическими, сновидческими и символическими традициями истолкования, связаны с пересечением границы между миром мёртвых и миром живых, с эротикой (сохранением или потерей девственности, сексуальными удовольствиями), замужеством и смертью. Второй сон ещё в большей степени сосредоточен на темах замужества и сексуальности, в том числе гомоэротичности, а также на фигуре матери. Фоном его являются общеевропейские мифопоэтические образы и символы, а так же, возможно, творчество Н. В. Гоголя.

Во **втором параграфе** «Любовь как фабула: “остраннение” как литературный приём в восприятии и описании Е. А. Дьяконовой любви» по-

казано, что даиэристка «конструировала» (описывала в дневнике) наблюдаемые ею жизненные, например любовные, «истории» по законам литературы и, скорее всего, не без влияния прочитанных ею произведений Л. Н. Толстого. Так, любовь мужчины и женщины впервые явила себя Дьяконовой «со стороны», как «вещь» (по В. Б. Шкловскому), буквально впервые увиденная. Около пяти месяцев даиэристка наблюдает за отношениями своей гувернантки Александры Николаевны и её жениха и в результате открывает для себя феномен Любви. Он действительно оказывается для неё *странным* (по В. Б. Шкловскому): 14-летней гимназистке на тот момент *ничего* не известно о половых отношениях, источником представлений о любви для неё являются исключительно *романы*. Всё, что связано с любовью, наивно оценивается ею как «хорошее, приятное, веселое» (запись от 12 ноября 1888 г.). Опыт переживания «чужой» любви завершается драматически: Александра Николаевна отказывает жениху и много теряет от этого в глазах Дьяконовой. Последняя делает вывод о превратностях счастья, а в себе самой не обнаруживает «способности» любить. Через несколько лет, в год окончания гимназии, одноклассница П. ещё более разрушит романтические представления Дьяконовой о любви, «так воспеваемой поэтами», рассказав ей обо всём «непонятном» (запись от 23.05.1891). Она разочаровывается во всём «роде человеческого», хотя обычные книги по «сексуальной педагогике», издававшиеся в то время в России, но ею не читанные, вполне могли бы предотвратить «ужас», испытанный даиэристкой, а может быть, и её раннее разочарование в браке и деторождении.

Дьяконова надолго усваивает себе роль «зрительницы» (запись от 01.05.1895), наблюдающей за людьми и их любовными отношениями, и привыкает примерять на себя некоторые другие роли, ощущая себя, например, героиней романа. Одна из таких ролей/героинь рассматривается в *третьем параграфе* «Отождествление с литературным образом (А. С. Одинцова, “Отцы и дети” И. С. Тургенева) как способ построения Е. А. Дьяконовой своей женскости». В записи от 19 ноября 1894 г. сообщается, что Дьяконова «почти наизусть» знала роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и перечитывала его десяток раз. Наиболее «симпатичный» ей образ из этого произведения – Анна Сергеевна Одинцова, в которой даиэристка опознаёт себя. В тургеневской героине ей импонируют такие качества, как «холодность и спокойствие». Ей нравится, что Одинцова оказалась «выше» Базарова и что тот несчастлив в любви. Выбранные Дьяконовой для «комментария» фрагменты «Отцов и детей» имеют подчеркнуто эротизированный характер. Из этих метатекстов (цитата из тургенев-

ского романа + комментариев даиэристки) следует, что 20-летняя девушка боится телесного контакта с мужчиной и что брак и любовь как возможные сценарии своей будущей жизни она не рассматривает.

В целом чтение в жизни Е. А. Дьяконовой оказалось одним из факторов, который сформировал в ней, личности впечатлительной и чувственно неразвитой, страх и отвращение по отношению к половой любви.

В **четвертой главе** диссертационной работы «Женское письмо, телесный код и “маскарад женственности”: литературные и мифопоэтические образы и мотивы в “Дневнике” Е. А. Дьяконовой» рассматриваются словесно-образные репрезентации даиэристки своей женственности. Анализу визуального её восприятия Дьяконовой и фиксации в сюжете «женщина с зеркалом», распространённом как в литературе, так и в живописи, посвящён *первый параграф* «“Телесный код” в “Дневнике”»: образы и мотивы зеркала, красоты vs уродства». Сюжет этот ограничен в основном рамками 1891–1894 гг., но также присутствует и в отдельных позднейших дневниковых записях, прежде всего «парижских». В 16-летнем возрасте Е. А. Дьяконова впервые сталкивается со своим «двойником» – отражением в зеркале, и собственная внешность ей решительно не нравится (запись от 01.02.1891). Своё «уродство», скорее всего мнимое, даиэристка делает почти экзистенциальной проблемой: смотря на себя, по сути, глазами мужчины, она обнаруживает свою якобы некрасивость, что в рамках патриархатных представлений значит «обыкновенность», заурядность. В свою очередь, это открытие по некой странной логике порождает у Дьяконовой категорическое неприятие замужества и семейной жизни. Далее, накануне 18-летия, она уже видит в своей внешности нечто привлекательное (запись от 12.08.1892), а через месяц после дня рождения у неё уже два «двойника» в зеркале: один, новый, ей нравится, а другой по-прежнему кажется «уродом» (запись от 19.09.1892). Этот «другой» отражает, по нашему мнению, доминирующую в обществе того времени традиционную, мужскую точку зрения, с которой Дьяконова будет неустанно бороться всю жизнь. Новый же «двойник», «прельщающий» взгляд даиэристки, может быть истолкован посредством христианского «кода», укоренённого в её сознании: как проявление грехов тщеславия, самовлюблённости, сладострастия. В возрасте 19 лет собственная некрасивость становится для девушки частью её интимной тайны, которой она делится с дневником, словно впервые, с неподдельным интересом рассматривая уже не лицо, но своё тело, фигуру: плечи, лопатки, грудь, руки, ноги (записи от 22.09.1893, 04.02.1894). Дьяконова обнаруживает (и это её уже не смущает) в себе то, что всего лишь год назад осуждала в Марии Башкирцевой – «самолюбие и

женское тщеславие». Осознав и приняв свою телесность, даиэристка делает следующий шаг на пути утверждения своей женскости: она переходит к размышлениям о «женском вопросе». Осуждая мужчин, этих «грязнейших развратников», моральное право делать это Дьяконова находит именно в своём «уродстве» (запись от 04.02.1894). Смирившись с собственной некрасивостью и посчитав, что путь к любви и браку для неё закрыт, она целиком и полностью сосредоточивается на вопросе о «свободе». Её Дьяконова обретёт в Петербурге; свобода и учёба почти полностью вытеснят из девушки чувственность и все проявления женственности («маскарад женственности»), а рефлексии о красоте и уродстве практически исчезнут из «Дневника на Высших Женских курсах». Развязка сюжета о разглядывающей себя в зеркале женщине приходится уже на «парижские» часть «Дневника» и период жизни Дьяконовой. Так, 24 мая 1901 г. она «с удовольствием» смотрит в зеркало и видит там своего счастливого двойника – «прелестную молодую женщину», улыбающуюся ей.

Во *втором параграфе* «Атрибуты и образные репрезентации женской красоты и феминности в дневниковых самоописаниях Е. А. Дьяконовой» исследуются такие образы и мотивы: волосы/причёска, фотография, «высокая мода», кукла, статуя и др. Фоном и контекстом анализа выступают произведения живописи, книги (русские и западноевропейские) о женском здоровье и красоте, журналы мод.

Интерес к своей внешности, «маскарад женственности», на четыре года исчезнувшие из жизни и «Дневника», в последний год её учёбы на курсах вернутся к Дьяконовой через зеркало и фотографию, а также через волосы/причёску – один из традиционных атрибутов женской красоты. В юбилейный пушкинский год, случайно оказавшись в роли Маши Мироновой («Капитанская дочка») в одном из «апофеозов», Дьяконова делает себе «старинную причёску» – и все окружающие и она сама обнаруживают её женскую привлекательность (запись от 28.01.1899). 25 марта 1899 г. даиэристка снимается в фотоателье первой в России женщины-фотографа Е. Л. Мрозовской. Это самая известная из сохранившихся фотографий Е. А. Дьяконовой, растиражировавшая её облик в современном медиапространстве. Но это ещё и чрезвычайно важный в её духовной биографии поступок, значимый этап в «сюжете» открытия ею своей телесности. Снялась даиэристка «с распущенными волосами, не то мадонной, не то кающейся грешницей» и считала эту фотографию первым своим «удачным портретом», выразившим её «духовную сущность». Напомним, что, начиная с эпохи Возрождения, длинные вьющиеся волосы на живописных женских портретах, а также в моралистической литературе о женщинах – образ амбивалент-

ный. С одной стороны, он связан с миром куртизанок, со сладострастием, соблазном, тщеславием, с другой – символизирует покаяние и невинность. Впоследствии Дьяконова будет «копировать» этот свой фотографический образ в реальной жизни. Так, 5 декабря 1901 г. у себя дома она принимает соответствующую позу, становится «живой картиной» и своими волосами, распущенными по плечам, прельщает студента-художника Danet. 21 декабря 1901 г. в мастерской скульптора Карсинского Дьяконова принимает всё ту же, с фотографии, позу, изображая «отчаяние». Даиэристка выстраивается подчёркнуто амбивалентная ситуация: «задумчивое и нежное» лицо отражает «духовную сущность» модели, но теперь открыто заявляет о себе и телесность: девушка позирует сначала обнажённой по поясу, а потом обнажается «вся». Полагаем, что образом, который был найден в фотоателье Мрозовской, а позже повторён Дьяконовой-моделью в Париже, является образ *кающейся девственницы, мадонны-грешницы*. Насколько он соответствовал оригиналу – выяснить невозможно. Заметим, что «фотографией» Дьяконова называла свой дневник (записи от 10 и 13.03.1892, 29.12.1893), имея в виду, вероятно, то, что всего о себе она не говорит и судить о ней по её «отражениям» (дневнику и фотографиям) нельзя. Е. А. Дьяконова прожила немного – 27 лет – и не успела разобраться, где она сама, а где её двойник.

Одним из традиционных литературных образов, замещающих человека и/или оказывающихся его двойниками, является образ куклы/статуи/манекена. Он получает особое развитие в литературе романтизма и имеет там устойчивые демонические коннотации (Э. Т. А. Гофман, А. С. Пушкин), которые обретает и в «Дневнике», как и во всем, в итоге, сюжете «женщина перед зеркалом». Образ манекена, точнее манекенщицы («*essayeuses*» – «*примеряльщицы*»), появляется в третьей части «Дневника» в связи с посещением Дьяконовой 4 мая 1901 г. «модного магазина» знаменитого Пакэна и её размышлениями о «высокой моде». Наблюдая за «примеряльщицей» Leontine, даиэристка открывает для себя тот факт, что (женская) красота может быть исключительно *телесной*, физической, без какой-либо *духовности*, т. е. без того, чем в массе своей восхищались русские классики-мужчины, начиная с эпохи романтизма. И такая красота не есть аномалия или повод для осуждения. Наблюдательная писательница, Дьяконова разглядела в Леонтине жизнь «грациозной фигуры», с удивлением обнаружив, что «живой кукле» в розовом пеплуме легко удаётся проникнуть в атмосферу древнего Рима. Роль манекенщицы Дьяконова примеряет и на себя. На бал интернов она наденет тунику и пеплум «под античность»; она захочет стать Галатеей, вдохновительницей мужчины (художника Danet, скульптора Карсинского и, по-видимому, своего

лечащего врача Ленселе). Таким образом, *позирующая женщина* – отражение в зеркале, фотография, модель, манекенщица – становится в «Дневнике» Дьяконовой символом осознавшей себя телесности, женственности как маскарада, саморепрезентацией мечтаемых жизненных ролей. Западный мир эпохи модерна соблазняет бывшую «серьезную курсистку, суровую книжницу, всю погруженную в науку», красотой, роскошью, чувственностью и торжествующей нестесняющейся бездуховностью. Чтобы почувствовать себя счастливой, оказалось достаточно сознания того, что она «хороша» (запись от 17.12.1901). Haute Couture наносит сильнейший удар именно по нравственным понятиям Дьяконовой, а также по чувству её национальной идентичности. Она напрямую связывает своё пребывание за границей с теми метаморфозами, которые с ней произошли, и прежде всего с осознанием своего женского «я»: «Я сама себя не узнавала: мне казалось, что какая-то другая, новая женщина проснулась во мне...» (запись от 17.12.1901). В 27 лет даизэристка понимает, что её собственное тело тоже может быть источником радости и счастья – как и деятельность во благо женщин и всего человечества, как и наслаждение красотами искусства и высших проявлений человеческого духа. Из «европейской» части «Дневника» почти уходят мучительные раздумья о вере и религии, о смерти и бессмертии. Европа открывает для девушки новую сторону жизни, связанную с комфортом, красотой, любовью, соблазнами, с собственным телом и женской самостью. Происходит узнавание самой себя: в Дьяконовой просыпается не какая-то «новая женщина», а *просто женщина*...

В заключении диссертации обобщены основные результаты проведённого исследования и намечены перспективные направления дальнейшего изучения «Дневника» Е. А. Дьяконовой, позволяющие точнее определить её место в истории женского «дневниковедения», а именно:

– анализ размышлений Е. А. Дьяконовой о смерти и бессмертии, отсылающие к Библии, французским моралистам, Шопенгауэру и к русским и европейским писателям XVIII–XIX вв., а также мыслей о творчестве и русском языке;

– картины жизни русской провинции и женской гимназии, запечатленные в «Дневнике» Е. А. Дьяконовой;

– сравнение эго-документа Е. А. Дьяконовой с дневниками ее современниц из Европы, выявление специфических черт русского автобиографического письма рассматриваемого периода;

– комплексное исследование художественных и стилистических особенностей дневникового текста с акцентом на автобиографических приемах, структуре повествования и поэтике исповедальности.

Основное содержание диссертационной работы отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Ярина, Н. В. «Дневник» Марии Башкирцевой как «нарратив стабильности»: структура дневниковых записей / Н. В. Ярина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 2 (36). – С. 217–222. (0,75 п. л.)
2. Ярина, Н. В. К вопросу о влиянии «Дневника» М. Башкирцевой на раннее творчество М. И. Цветаевой / Н. В. Ярина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5 (16). – С. 226–229. (0,25 п. л.)
3. Петров, А. В. «Почему она была голой», или жанровые стратегии эрзац-литературы / А. В. Петров, Н. В. Ярина // Филологический класс. – 2018. – № 4 (54). – С. 157–160 (авторский вклад – 50 %). (0,25 п. л.)

Статьи в других научных изданиях

4. Ярина, Н. В. Традиции в изображении женских образов и лейтмотивы в произведениях «Фанни Хилл» Дж. Клееланда и «Молль Флендерс» Д. Дефо / Н. В. Ярина // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8–2. – С. 212–215. (0,25 п. л.)
5. Ярина, Н. В. «Мемуары женщины для утех, или история женщины Фанни Хилл» Джона Клееланда: «шедевр эротической литературы» или «исчадие порнографического ада»? / Н. В. Ярина // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2-2. – С. 162–164. (0,19 п. л.)
6. Петров, А. В. «Если бы кто-нибудь признался мне в любви, что же вышло бы?»: роман «Отцы и дети» в восприятии Елизаветы Дьяконовой / А. В. Петров, Н. В. Ярина // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 44–50 (авторский вклад – 75 %). (0,32 п. л.)
7. Петров, А. В. «Боже, я испугалась и закричала... проснулась...»: «литературные» сны даиэристки (Е. А. Дьяконова и Л. Н. Толстой) / А. В. Петров, Н. В. Ярина // Вестник гуманитарного образования. – 2018. – № 3 (11). – С. 78–83 (авторский вклад – 75 %). (0,28 п. л.)
8. Петров, А. В. «У меня теперь точно глаза открылись...», или «Остранение» опыта чужой любви (Е. Дьяконова resp. В. Шкловский resp. В. Бутусов) / А. В. Петров, Н. В. Ярина // Libri Magistri. – 2018. – № 6. – С. 109–120 (авторский вклад – 75 %). (0,51 п. л.)

9. Петров, А. В. Статья Елизаветы Дьяконовой «о женском вопросе» (1902): из истории русского феминизма и толстовства / А. В. Петров, Н. В. Ярина // *Libri Magistri*. – 2022. – № 3 (21). – С. 55–69 (авторский вклад – 75%). (0,7 п. л.)

10. Ярина, Н. В. «Линия судьбы» Елизаветы Дьяконовой в «Сюжетах» ее «Дневника» / Н. В. Ярина // *Libri Magistri*. – 2025. – № 2 (32). – С. 13–23. (0,69 п. л.)

ЯРИНА Наталья Викторовна

«ДНЕВНИК» ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ:
ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 01.09.25. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27